

Московского телефона не дал...

Я просочилась в зал Хельсинкского Национального театра, где Юрий Любимов репетировал собственную инсценировку «Подростка» Ф. М. Достоевского, как раз на словах постановщика: «Вы должны понять, что Достоевский — христианский писатель, для него религия — это философия, а уж коли одна половина несчастий мира проистекает от неверия, а вторая — от идиотизма, то давайте уж лучше будем вполниту верующими, чем полными идиотами. Согласны?».

Он выглядел хотя и усталым, но подтянутым и энергичным, и еще было что-то в его лице, в его осанке и в его поведении необычное, отъединяющее, что-то сперва неуловимое и лишь затем объяснимое мгновенной вспышкой сравнения — он выглядел не как советский человек. Я надеюсь, что читатели понимают, что я имею в виду, потому что объяснить это до чрезвычайности сложно. Скажем так: он выглядел как абсолютно свободный человек, что для нас есть синоним иностранца. И рассуждал так же свободно, чему мы уже научились, но без надрыда, чему нам еще учиться и учиться.

Он и к двойственному своему проживанию — в Израиле и СССР — относился так же, и к Таганке, и ко всему буквально. И вот только отношение к властям предержащим выдавало в нем своего, нашего, что есть, и это, очевидно, неизлечимо, кто бы этими властями в настоящий момент ни был...

— Юрий Петрович, но почему «Подросток» здесь, в Финляндии, а не на Таганке, какое отношение имеют эти благополучные, сытые люди к тому, что вы пытаетесь им разъяснить. Я не в укор им говорю, но в обиду за нас.

— Во-первых, скажу я, Достоевский не только для нас. Он для всего мира. Финал «Подростка»: «Из представленного вам удалось понять, что таится в душе много подростка нашего смутного времени — дознание не совсем ничтожное, ибо из подростков создаются поколения», да и мое собственное желание — показать иную генерацию, генерацию действия, а не печали и переживания — все это, мне кажется, представляет человеческий, а не национальный интерес.

Во-вторых же, у меня набраны обязательства, поскольку когда меня система вышвырнула из страны, нужно было зарабатывать на жизнь, и, естественно, я спланировал работу на годы вперед, в том числе и в Хельсинки.

А в-третьих, когда я предло-

жил «Подростка» у себя в театре, то меня начали отговаривать, не актуально, мол. Хотя все это чушь, жизнь меняется так быстро, что если погоняться за злободневностью, то точно окажешься в дураках. Кое-кого я у себя уговорил и на Таганке «Подростка» все же ставить буду, но уже после Финляндии.

— Все очень убедительно, только когда в Москве я пробираюсь на «Живого», то я даже и не пробираюсь, а простою прошла, меня никто и не остановил. А поскольку я воспитана на толпе у Таганки, то для меня легкость прохода была горше всего.

— А что, только у Таганки так? У всех остальных замечательно? С чего же это Миша Козаков, такой благополучный актер, сознательно бросает своего зрителя и уезжает туда, где он скорее всего никому не нужен? А другие театры толпы штурмуют?

— Про другие театры я у других режиссеров спрошу, если судьба сведет...

— Ну тогда так... Я застал театр в страшно расстроенном состоянии, но дело даже не в этом. А в том дело, что никто не хочет работать. Все хотят схватить кусочки и убежать. Они живут сегодняшним днем, но осуждают их за это нельзя, потому что вся страна так живет, и Таганка не островок счастья. А все осуждают, говорят: с Таганкой плохо... Несправедливо это. Нельзя забывать, что это люди, которые в глухие годы несли правду, хоть как-то противостояли тогдашней банде. Уже это, мне кажется, должно вызывать уважение у тех, кто стал разрешенно смел. Так нет же...

И сейчас театр не мертв. Даже в смысле гражданского темперамента. Когда нас пригласили на БИТЕФ в Югославию, где мы были в свое время лауреатами, вы же знаете, какая там нынче резня идет, я сказал им, что, по-моему, ехать все-таки нужно, это наш долг. Хотя каждый должен решать сам. И мы поехали. Это ведь не просто так, туристическая прогулочка и зарубежные края, это долг искусства, и все это долг исполняли.

Что же касается дальнейшей работы, то я им предложил испытание. Ставим «Электру» совместно с греками в рамках фестиваля «Мифы об Электре», в проекте «Доктор Живаго». Получается — работаем дальше, нет — прощаемся. Я уже немолодой человек, мне трудно вообще, мне кажется, я немножко себя переоценил... У меня семья живет в Иерусалиме и уезжать оттуда не собирается — сын там учится в школе, очень доволен, и я доволен,

что там живу, — это ведь единственный город на земле, где Гроб Господень. На что мне этот город менять? На работу? Так я работаю. А на повальное сумасшествие я менять нормальную жизнь не хочу...

— Николай Губенко, судя по всему, не очень приемлет вашу позицию...

— Коля молодец! Он считает, что сделал для меня что-то особенное. Ничего он особенного не сделал! Когда я приехал, он произнес историческую фразу: «Берите их! Не понимаю, как вы с ними справляетесь». А вот так и спраляюсь — работаю как могу, он же в театре ни одной работы не закончил и ушел в министры. Конечно, министром быть приятнее, но зачем же меня при этом обвинять в предательстве театра?

— Наверное, потому, что он ушел в министры, вы вновь уехали за границу, а театр опять ни при чем...

— Я не уезжал за границу! Меня выгнали, и я набрал обязательств, которые теперь должен выполнять! Вот вся разница, и ее я готов вынести на любой суд: пусть смотрят, кто предатель.

И с театром, если испытание выдержит, о котором я говорил, я прощаюсь не собираюсь. Я просто ищу новые формы и новые экономические отношения. Меня категорически не устраивает эта советская структура, когда кто-то постоянно что-то должен, непонятно чем и непонятно откуда — объясам, а другой считает себя вправе оценивать. Будем работать и посмотрим на результат. Я вот в «Подростке» попытался работать в ином, не привычном для меня стиле, таком несколько импрессионистском и лишь в финале контрастом перехожу к своему эпическому стилю: в этом есть возможности для того, чтобы было интересно... Музыку к спектаклю написал мой друг Эдисон Денисов, а для «Живого» музыку дал согласие написать Алфред Шнитке, видите, каких людей я привожу в театр. Планы есть, и по своей воле я от этих планов отказываться не собираюсь.

Репетировал Любимов интересно и мощно. Показывал, давал волю эмоциям, орал на звукорежиссера, устраивал «театр для себя». И порой казалось, что я сижу в знакомом, презанком зале и за окнами вот-вот прогремит московский трамвай...

Но на прощание дал Юрий Петрович с приглашением позвонить при случае иерусалимский телефон. Московского не дал...

Марина ОЧАКОВСКАЯ.
(Спец. корр. «Культуры».)
ХЕЛЬСИНКИ — ТАЛЛИН.